

УДК 94(47)

ВЛАСТЬ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1953): РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Л. А. Моисейченко

Саратовский государственный университет
E-mail: moiseichenkoLA@mail.ru

В статье на основе архивных документов и местной периодической печати анализируются духовно-нравственное состояние общества, возросшее самосознание народа-победителя, идеологические кампании и государственно-церковные отношения в регионе, приверженность партийно-государственного руководства прежним методам управления.

Ключевые слова: власть, общество, интеллигенция, духовная сфера, религия, выборы, патриотизм, демократия.

**Authority and Moral State of Society in Post-war Period
(1946–1953): Regional Aspect**

L. A. Moiseichenko

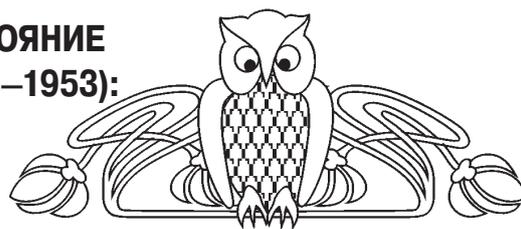
The article gives the analysis of moral state of society, increased self-consciousness of the nation-winner, ideological campaigns and relations between the state and the church in the region, commitment of the party and public administration to former methods of government on the basis of archive documents and local periodicals.

Key words: authority, society, intelligentsia, moral values, religion, elections, patriotism, democracy.

С победой в Великой Отечественной войне произошли изменения в общественно-политических настроениях в обществе, духовной сфере, создавался нравственно-психологический настрой на будущую мирную жизнь. В самосознании народа отчетливо проявились ожидания большой свободы, демократизации режима, несмотря на приверженность партийно-государственного руководства страны прежним методам управления.

9 мая 1945 г. Саратов ликовал. На общегородском митинге горожане праздновали разгром «поверженной в прах гитлеровской Германии»¹. Массовые митинги прошли во всех районных центрах, предприятиях, колхозах, совхозах. Звучали единодушные обязательства залечить нанесенные войной раны. В Вольске рабочие завода «Большевик» обещали дать в мае 1,5 тыс. сверхпланового цемента². Областная газета «Коммунист» в рубрике «Вахта Победы» систематически публиковала стахановские достижения рабочих и колхозников³.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы явился «боевой программой жизни, борьбы и труда саратовской партийной организации»⁴. Лозунг военного времени «Все для победы!» был заменен лозунгом «Все для восстановления народного хозяйства!», а к началу

1948 г. – «Пятилетку в четыре года!». Со второй половины 1948 г. «Коммунист» свои традиционные «среды», начатые в военном 1944 г. выступлениями деятелей науки, культуры, искусства, заменил «стахановскими пятницами»⁵. К 1950 г. 95 процентов рабочих и служащих области участвовали в соцсоревновании.

Диагностикой политической активности общества явились первые после войны выборы в Верховный Совет СССР. Трудовые коллективы, как и прежде, принимали повышенные обязательства. Так, ремонтники Баландинского свиноводческого совхоза уже к новому году решили закончить ремонт тракторов и прицепных сельскохозяйственных машин⁶. Выборы носили безальтернативный характер. Обсуждение кандидатов в депутаты проходило формально. Всюду по области работали агитаторы. В Ровенском районе их было 260. На Новопривольненском избирательном участке консультации проводились ежедневно, совещания с агитаторами еженедельно, как и беседы о Конституции СССР, правах и обязанностях граждан, государственном устройстве⁷. Агитаторам задавались вопросы не только о выборах в СССР, но и механизме их осуществления в других странах. Но главное, в вопросах отражались злободневные проблемы, свидетельствующие об отношении к политике власти: почему СССР оказывает экономическую помощь другим странам, сокращая потребление у себя? когда и будет ли в продаже керосин?⁸

Выборы 1946 г. были первой крупной политической кампанией, во время которой систематически отслеживалось общественное мнение. Большинство граждан приняли выборы как праздник, дав тем самым мандат доверия власти, что и предопределило дальнейшую политику. Критические мнения в адрес власти не публиковались, но были и отслеживались. Так, в Ровенском районе Е. И. Елхимова, явившись в нетрезвом состоянии на избирательный участок, «...произвела явно неправдоподобные высказывания по адресу кандидатов в депутаты»⁹. Об этом в докладной записке секретарю обкома ВКП (б) сообщил начальник районного отдела милиции Жакин. Требование «проявления высокой бдительности» возвращалось в общественное сознание. «Коммунист» еще в 1945 г. предупреждал о «заблаговременном» создании фашистами «шпионской сети ... чтобы

развязать третью мировую войну»¹⁰. В целом власть демонстрировала единение с народом. В первые год – два после войны проявлялась тенденция демократизации общественно-политической и внутрипартийной жизни. Народ был готов поддерживать власть и проводимые ею политические кампании.

Руководство страны стремилось к консолидации общества, укреплению единомыслия. В первую очередь усилилось давление на интеллигенцию, которая познала некоторую свободу от идеологии в годы войны и определяла духовно-нравственное состояние общества. Средством пропагандистского и административного давления на художественную интеллигенцию стали постановления ЦК ВКП (б)¹¹, считавшие главным достоинством произведений их идеологическое соответствие постулатам и вкусам вождей.

Театральные коллективы Саратова критиковались за увлечение произведениями буржуазных, а не советских авторов. В театре им. К. Маркса современной жизни было посвящено 3 спектакля из 11, в ТЮЗе – 3 из 10, а в театре оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского остался только один «художественно неполноценный спектакль “Свадьба в Малиновке”¹². Сочинения композиторов “формалистического” направления воспринимались как “набор режущих ухо звуков” “разлагающейся буржуазной идеологии”¹³. Формируя новый репертуар, 6 городских театров выпустили 10 новых спектаклей, из которых 7 – на современные темы¹⁴.

Но деятели культуры по-разному воспринимали партийные указания. Случалось и неповиновение. Мастера художественного слова областной филармонии продолжали читать рассказы Зошенко вплоть до расформирования концертных бригад и запрещения всех текстовых выступлений артистов¹⁵. Но и год спустя некоторые артисты хоровой капеллы участвовали в церковном хоре, другие выступали с запрещенными частушками¹⁶ и при этом апелировали к зрителю, предлагив ему решать, кто прав. Преподаватель консерватории С. С. Бендитский публично защищал музыку Шостаковича, Прокофьева и других известных композиторов, заявив, что ее народ поймет через 50–100 лет¹⁷. Чтобы окончательно изжить такого рода проявления инакомыслия, усилилась цензура. Главному управлению по контролю за зрелищами и репертуаром предоставлялось право «разрешать и запрещать для постановки и публичного исполнения драматические, музыкальные, хореографические, цирковые и эстрадные произведения, демонстрацию и распространение произведений изобразительного искусства»¹⁸.

Театральные коллективы работали творчески. В репертуаре театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского сохранились основные произведения мировой оперной классики – «Борис Годунов» Мусоргского (1935), «Иван Сусанин» Глинки (1939), «Отелло» Верди (1951). Государственной премии СССР были удостоены «Золотой

петушок» Римского-Корсакова (1947), «От всего сердца» Жуковского (1951). Государственной премии СССР также был удостоен в 1952 г. и Саратовский ТЮЗ за спектакль «Алеша Пешков» (пьеса И. Груздева и О. Форш)¹⁹.

С конца 1948 г. критику «формалистических» тенденций затмила борьба с «космополитизмом». Впрочем «формализм» и «космополитизм» считались двумя сторонами одного и того же «низкопоклонства перед Западом». Борьба с «космополитизмом» приняла оттенок антисемитизма. В Саратове критике подверглись рецензии Ю. Лейтес, Л. Жак, Э. Гуковской, лекции преподавателя консерватории О. Горской. Несмотря на то что Ю. Лейтес и Л. Жак наряду с другими присутствовавшими на общегородском собрании художественной интеллигенции в марте 1949 г. присоединились к официальной оценке «космополитизма», они к тому же были уволены с работы²⁰. В консерватории отстранены были от работы О. Горская, А. Гюббенет, Е. Каменоградский²¹.

Кампания по борьбе с «низкопоклонством» и «космополитизмом» охватила все области науки и культуры. Начальным ее этапом были так называемые «суды чести», попытка «судить» интеллигенцию, опираясь на саму интеллигенцию. Закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина» активно обсуждалось среди научной и художественной интеллигенции Саратова. Осуждалось получение советскими учеными степеней и званий за границей, публикации в иностранных изданиях, использование иностранных источников. Резкой критике подвергся профессор СГУ Я. Я. Додонов, который, получив степень доктора философии в Берлинском университете, отказался представить к защите диссертацию в СССР²².

В науке стандартной моделью борьбы с инакомыслием становились «дискуссии». «Объекту» предоставлялась известная свобода действий, видимость которой позволяла придать кампании идеологического давления внешне привлекательную форму. Одновременно профессиональные дискуссии являлись трибуной для обсуждения интеллигенцией наболевших послевоенных проблем. Философские «дискуссии» 1947 г. мало затронули научную интеллигенцию Саратова, поскольку в вузах не было философских факультетов. Кафедры общественных наук руководствовались постановлением ЦК ВКП (б) 1945 г. «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского».

Логическим продолжением давления на научную интеллигенцию явилась борьба «между передовым мичуринским направлением и реакционным менделеевско-моргановским». В Саратове действовали 13 высших учебных заведений, 10 научно-исследовательских учреждений, из которых НИИ «Микроб» и Институт зернового хозяйства Юго-Востока СССР имели союзное значение. В

вузах и НИИ работало свыше 350 научных работников – биологов. Наиболее активно против «мичуринской биологии» в СГУ выступал заведующий кафедрой генетики и дарвинизма профессор В. Е. Альтшулер. Для продвижения идей Т. Д. Лысенко обком и горком ВКП (б) четырежды организовывали заседания партбюро, дважды – совещание актива, Ученый совет университета и три раза – Совет биофака²³.

Не менее драматично развивались события в НИИ зернового хозяйства Юго-Востока СССР. Итоги сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) обсуждались в течение трех дней. Из 37 присутствовавших на заседании выступило 23 и все, включая А. П. Шехурдина, вынуждены были, узнав об одобрении доклада Т. Д. Лысенко ЦК ВКП (б), согласиться с его концепцией. Несмотря на это директор НИИ Л. И. Рязанов был освобожден от занимаемой должности, А. П. Шехурдин потерял возможность заниматься работой в течение трех лет²⁴. Кадровые перестановки произошли и в других НИИ и вузах Саратова. Пересмотрены были учебные программы по биологическим наукам, внесены изменения в тематические исследования, расширена сеть партийно-политического просвещения в вузах и НИИ.

По обычному сценарию проходила «дискуссия» по вопросам языкознания. На собрании актива областной парторганизации 20 октября 1950 г. было отмечено «широкое хождение» в стенах филологического факультета СГУ «антимарксистских взглядов Марра». Наибольшая критика прозвучала в адрес профессора А. М. Лукьяненко. Работы, помещенные в «Ученых записках» о «древней старине», были названы «словесным хламом». В защиту А. М. Лукьяненко выступил декан филфака Е. И. Покусаев. Но говорить ему не позволили, в зале стоял шум, раздавались грубые возгласы с мест²⁵. Неуважительное отношение, категорический, безапелляционный тон, становились характерной чертой времени. В 1952 г. «дискуссия» с новой силой разгорелась на филфаке Педагогического института. Критиковались работы профессора А. Ф. Ефремова²⁶.

Борьба с «космополитизмом» затронула и историческую науку. Историков обвиняли в искажении истории советского общества, принижении роли Советского государства на мировой арене. На историческом факультете СГУ в 1951 г. на одном из партсобраний И. В. Сеницын с горечью отреагировал на упрек в адрес ученых, специализировавшихся по древней истории, в том, что они мало занимались современными проблемами²⁷. В начале 1950-х гг. необходимость в партийных постановлениях отпала, а «творческие дискуссии» продолжались.

Идеологические кампании второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. оказали глубокое влияние на духовно-нравственное состояние общества, препятствовали творческому поиску, способствовали конформизму интеллигенции.

Интеллигенция Саратова долго «вписывалась» в жесткие рамки официальной догматики. Но ей удалось сохранить дух творчества, традиции, мировые позиции в науке и культуре.

Духовно-нравственное состояние общества во многом определялось и изменениями в государственно-религиозных отношениях, начавшихся еще в годы Великой Отечественной войны. Власть санкционировала созыв Поместного собора, на котором 8 сентября 1943 г. был избран патриарх и образован Священный синод. Роль посредника между государством и церковью выполнял созданный при правительстве в качестве контрольного органа Совет по делам Русской православной церкви.

Изменение политики государства по отношению к религии было продиктовано как стремлением власти использовать церковь в качестве дополнительной мобилизационной силы в сложный военный период, так и необходимостью укрепления своего влияния и авторитета в народе в условиях стихийного оживления религиозного движения и религиозных настроений в обществе. Согласно принятому в 1945 г. Положению об управлении РПЦ церковь становилась сплоченной иерархически на всех уровнях соподчиненной организацией, были расширены её имущественные права. Московская патриархия была наделена государством ограниченным правом юридического лица.

На местах органам власти запрещалось «враждебно относиться к верующим гражданам и ... религиозным общинам». Это подтвердило принятое 5 декабря 1946 г. постановление Саратовского обкома ВКП (б)²⁸. Изменения в церковной политике благоприятно отразились на религиозной активности, которая, как свидетельствуют архивные документы, заметно возросла «не только в каждом отдельно взятом районе, но и в каждом населенном пункте»²⁹. Граждане интересовались, когда начнут восстанавливать храмы, открывать духовные учебные заведения, будет ли разрешен колокольный звон? Коммунисты задавали более серьезные вопросы: останутся ли в силе прежние оценки религии как реакционной силы, будут ли в соответствии с новыми подходами внесены изменения в Конституцию СССР и Программу ВКП (б)?

В Саратовской области в 1944 г. было 4 действующих церкви в Саратове, Вольске, Петровске, Ртищеве. С конца 1943 г. по 1944 г. верующими было подано 25 ходатайств об открытии церквей. В 1945 г. была открыта церковь в Пугачеве, через год – в Балашове, Ершове, Аркадаке. В 1947 г. СДРПЦ разрешил открытие сразу четырех приходов – в Балакове, с. Дурникине Романовского района, с. Дергачи, с. Никольском Духовницкого района. В этом же году окончательно был возвращен православной церкви Свято-Троицкий кафедральный собор. В 1948 г. открыт Духосошественский собор, в 1955 г. – молитвенный

дом в Энгельсе. Общее число открытых церквей достигло 15³⁰.

Возросли доходы церквей. В 1947 г. они составили около 7 миллионов рублей³¹. Значительная часть средств предназначалась на благотворительную деятельность. С 1943 г. по 1947 г. верующими и духовенством Саратовской епархии было собрано 10731776 рублей³². Вскоре благотворительность была прекращена по требованию советского правительства.

Активизация проповеднической деятельности церкви зависела от количества священнослужителей и качества их подготовки. В условиях, когда работа духовных учебных заведений была запрещена (в 1918 г. в Саратове прекратила существование духовная семинария), а значительная часть духовенства прошла через горнило репрессий 1930-х гг., разрешение правительства открыть духовные учебные заведения было заметным шагом на пути укрепления влияния церкви в обществе. Духовная семинария была открыта и в Саратове. В 1949/50 учебном году там обучалось 45 человек³³. Учебные планы и программы согласовывались с СДРПЦ и включали не только богословские и церковно-исторические дисциплины, но и изучение Конституции СССР, документов, регулирующих отношения государства и церкви. В уклад жизни духовных учебных заведений влетали советские праздники. На таких вечерах учащиеся семинарий слушали доклады преподавателей СДРПЦ и других гостей о пятилетнем плане развития народного хозяйства, выборах в Верховный Совет СССР, Конституции страны, развитии советской демократии. Торжества сопровождалась исполнением гимна Советского Союза³⁴.

Наметившиеся в первые послевоенные годы перемены в государственно-церковных отношениях протекали в рамках жесткого контроля РПЦ со стороны правящего режима. Большая часть партийно-советского актива сохраняла приверженность в идеологической работе антирелигиозным стереотипам и догмам. И хотя государственная антирелигиозная пропаганда утратила свою воинственность 1930-х гг., созданное Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний было призвано на научной основе, но вести борьбу с «чуждыми» взглядами, в том числе и религией. Начиная с 1948 г. руководство страны перешло от жесткого контроля за РПЦ к повсеместному вытеснению её на периферию общественной жизни, что было обусловлено общим ужесточением курса против всякого инакомыслия.

Нагнетание антирелигиозных настроений усилилось после опубликования в «Правде» фельетона И. Рябова «Саратовская купель»³⁵, в критическом тоне описавшего Великое Водосвятие на Волге с купанием в Иордани на Крещение. 10 февраля 1949 г. бюро Саратовского горкома ВКП (б) обратило внимание на «притупление

большевистской бдительности со стороны отдельных партийных и советских работников города». Были сняты с работы и получили выговоры ряд должностных лиц, в том числе начальник милиции и ОСВОДа. Епископ Борис, возглавлявший крещенскую процессию, указом патриарха также был снят с поста управляющего Саратовской епархией и отправлен в Чкалов³⁶.

Ряд периодических изданий с энтузиазмом подхватили почин «Правды» и публиковали отрывки писем рабочих, колхозников, студентов, выражавших «чувство глубокого негодования против диких религиозных обрядов, насаждаемых церковниками и их прислужниками». Но были и другие мнения. Так, мастер завода № 180 Саратова К. П. Марков утверждал, что «нынешний год показал как никогда, что влияние церкви усилилось... церковь полна... много молодежи и военных». Появились предположения, что «ставка в отношении религии стала меняться» и даже утверждения, что фельетон «Саратовская купель» означает «гонения против религии»³⁷. Начиная с 1949 г. были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы, кроме пасхальных, ликвидированы возможности дальнейшего роста числа приходов.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. выросли масштабы репрессий священнослужителей и верующих. 1947 г. был периодом наибольшего числа освобожденных (тех, кто арестован в 1937 г., получив 10 лет) и одновременно репрессированных. Святитель Вениамин, епископ Саратовский и Балашовский, 1887 г.р., с июня 1949 г. по 1954 г. находился в третьей ссылке в Казахстане как «повторник», т. е. поводом для ареста было предыдущее заключение³⁸. Основным обвинением оставалось «участие в антисоветской организации церковников». Так, по данному обвинению были арестованы Н. Г. Бапков, 1913 г.р., из Балакова и приговорен к 10 годам лишения свободы; С. Ф. Бочкарева, 1880 г.р., из Новых Бурас, получившая 6 лет лагерей³⁹.

Таким образом, репрессированные акции продолжали оставаться составной частью сталинского механизма контроля и устрашения РПЦ. Но масштабы и характер их по сравнению с 1930 гг. заметно изменился. Многократно снизилось количество арестованных и приговоренных к смертной казни. Всего в Саратовском Поволжье за годы советской власти было репрессировано по религиозным мотивам 921 человек, из них 340 приговорены к высшей мере наказания⁴⁰.

Таким образом, послевоенная жизнь в Саратове была слепком с общегосударственных реалий. Духовная сфера контролировалась, общественное мнение отслеживалось, политическая активность оставалась высокой. С волной идеологических проработок столкнулась интеллигенция, рассчитывавшая на смягчение давления на науку, культуру, искусство в мирное время. Перемены в государственно-церковных отношениях, наметив-

шиеся в годы войны, завершились нагнетанием антирелигиозных настроений и вытеснением церкви на периферию общественной жизни. Возросшее самосознание народа-победителя и приверженность партийно-государственного аппарата прежним методом руководства стали обыденной реальностью.

Примечание

- 1 Коммунист. 1945. 9 мая.
- 2 Там же. 11 мая.
- 3 Там же. 29 мая.
- 4 Коммунист. 1946. 26 апр.; ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). Ф. 594. Оп. 1. Д. 4672. Л. 1.
- 5 Коммунист. 1946. 17 февр., 1 и 15 марта, 26 апр.; 1948. 14 янв., 8 окт. и др.
- 6 Там же. 3 и 9 янв.
- 7 ГАНИСО. Ф. 4816. Оп. 5. Д. 1. Л. 7.
- 8 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4787. Л. 13–15.
- 9 Там же. Ф. 4816. Оп. 8. Д. 7. Л. 23.
- 10 Коммунист. 1945. 24 июля.
- 11 Власть и художественная интеллигенция : Документы ЦК РКП (б), ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1999. С. 588–596.
- 12 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4921. Л. 383.
- 13 Коммунист. 1948. 18 февр.
- 14 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 250. Л. 36, 169–171.
- 15 Там же. Оп. 7. Д. 4921. Л. 423.
- 16 Там же. Д. 1083. Л. 32.
- 17 Там же. Д. 619. Л. 185.
- 18 ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. Р-2864. Оп. 1. Д. 194. Л. 2–5.
- 19 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 534–535.
- 20 В июле 1949 г. Министерство образования СССР

восстановило Л. Жак на работе в СПИ, подтвердив увольнение из СГУ.

- 21 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1109. Л. 5, 14, 17, 41, 45, 47, 246–249, 266–275, 349 об, 429.
- 22 Кузнецова Н. В. Кампания против «космополитизма» в вузах и НИИ Саратова в 1947–1949 гг. // Историк и историография : материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова, 5–6 окт. 1999 года. Саратов, 1999. С. 236–243 ; ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 187. Л. 26 ; Ф. 594. Оп. 2. Д. 209. Л. 120–122.
- 23 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 715. Л. 16, 240, 261, 325–329 ; Д. 716. Л. 1–8.
- 24 Там же. Д. 476. Л. 43 ; Д. 715. Л. 35–36, 40, 52, 78–81 об, 331, 334.
- 25 Там же. Д. 1323. Л. 17, 23, 87–93, 155.
- 26 Там же. Д. 2175. Л. 176–184.
- 27 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 52 об.
- 28 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4774. Л. 32.
- 29 Там же. Л. 91.
- 30 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 658–659.
- 31 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1089. Л. 8.
- 32 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 659.
- 33 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1380. Л. 74.
- 34 Там же. Л. 9 ; ГАСО. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 431. Л. 10–12, 60–62, 79, 79 об.
- 35 Правда. 1949. 19 февр.
- 36 Там же. ; Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 659.
- 37 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 963. Л. 21.
- 38 См.: Яковлев А. А., Теплов В. В., Плякин М. Е. Саратовские подвижники. Саратов, 2000. С. 76.
- 39 См.: За Христа пострадавшие : Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956 : библиогр. справочник. Кн. 1. М., 1997. С. 137.
- 40 Саратовские вести. 1992. 13 нояб. ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1131. Л. 15–30.

УДК 94(47).08 + 929 Аврус

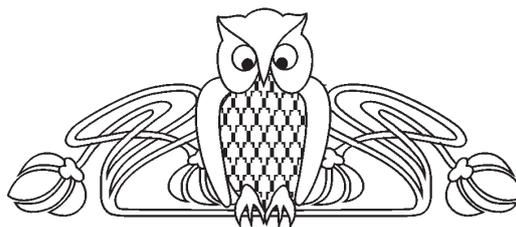
ПОЧЕМУ И КАК Я СТАЛ ИСТОРИКОМ?

А. И. Аврус

Саратовский государственный университет
E-mail: a.avrus@mail.ru

В статье представлены воспоминания профессора А. И. Авруса, его путь в историческую науку. Рассказывается, как у него появился интерес к истории, почему он поступил на исторический факультет СГУ, как выбирал темы для исследований, писал диссертации, работал в архивах. На основе собственного опыта автор даёт некоторые советы молодым исследователям, начинающим свой путь в науку.

Ключевые слова: история, Саратовский государственный университет, исторический факультет, научная деятельность, выбор темы, диссертация, архивы.

Why and How I Became the Historian?

A. I. Avrus

Memories of Professor Anatoly Avrus are devoted his way in historical science. He tells how he became interested in history and why did he join the history department of Saratov State University. He shares his own experience of choosing topics for research, writing dissertations and working in archives. The author gives some advice to young researchers who start their way in historical science.